

Сказка про «честное пионерское» (зуб даю) и лагерь с его обитателями.

Действующие лица:

Дядя Саша Григорьевич — старый директор лагеря, отставной солдат.

Господин Самогонов — почтальон, мечтающий стать баем.

Обдула — друг Господина Самогонова с давних времён.

Тётя Таня — старший воспитатель лагеря, когда директором был дядя Саша Григорьевич.

Товарищ Языков — антагонист по жизни и в прошлом заведующий большой песочницей.

Пионеры, закадычные друзья:

Юра Опылов — честный пионер

Серёжа Бородинский — принципиальный пионер.

Сергей — интеллигентный пионер

И ещё много кого...

Давно это было. Так давно, что не помнит никто, а кто не помнит, очень хочет вспомнить или забыть — кому как нравится.

Славный был лагерь... пионерский, а до этого и вовсе не лагерь, однако был, долго был и люди жили как все — не лучше, но и не хуже других.

Люди там работали и отдыхали, опять же кому как нравится или по возрасту. Только вот одна незадача случилась: решило большое начальство юбилей лагерю справить, да чтобы не хуже чем у людей было, чай не «хухры-мухры», а старейший лагерь в таёжном краю. Ну а раз начальство решило, то так тому и быть и полились в лагерь реки краски и горы асфальта, да порошок стиральный, чтобы бабло запачканное по дороге ,отмывать сподручней было...

Незадолго до этого появились в лагере два странных мужичка в калошах, да на «Задрипанном Опеле». Как потом выяснили обитатели лагеря, этими в калошах, оказались некто Самогонов и его верный друг Обдула, приехавшие в лагерь из отдалённого кишлака. Мужички были проворными и за пылью, которую поднимал «Задрипанный Опель», жителям лагеря не было видно, что же они такого делают, чтобы так пыль поднимать.

Примерно в это же время, а может чуть раньше, из соседнего лагеря приехала тётя Таня. Ну приехала и приехала, работает, ребятишкам опять же помогает., кому от этого плохо?, одна только польза всем и ребятишки опять же под присмотром. Заметило большое начальство старания тёти Тани, оценило заботу над детьми брошенными и говорит:

— А давай-ка, тётя Таня, выдвинем мы тебя в совет дружины, будешь ты там заседать, а мы тебе деревеньку отстроим, заодно и бабло загрязнившееся постираем, всем хорошо будет, а ребятишкам так вообще красота.

Товарищ Языков в это же самое время вовсе не был антагонистом, а был заведующим большой песочницей. И всё у него было по полочкам: вот здесь песочек, вон там —

совочки, а чуть подальше ведёрки и всякие формочки для куличиков. И всё посчитано до последней песчинки — попробуй тронь.

Лагерь тем временем жил своей размеренной жизнью и ни о каком юбилее ещё и не помышлял — долго до него ещё было, года три, а может и все пять.

Трудились все не за страх, а за совесть ну а вообще все по разному и тут, раз — юбилей с реками краски и горами асфальта, да стиральным порошком...

Некто Самогонов тем временем время зря не терял, снял калоши и старательно делал карьеру, дослужившись за короткий срок до почтальона, он навсегда забыл про «задрипанный Опель».

Друг его Обдула, занялся коммерцией, тоже снял калоши, и время от времени, поднимал пыль более престижным автомобилем, дабы обитатели лагеря так и не поняли, чем на самом деле он занимается. Под покровом пыли был разобран на запчасти единственный в лагере автомат газводы, правда не работающий к тому времени уже несколько лет, но пока он стоял целёхоньким, у всех жителей лагеря ещё теплилась надежда, что он когда-нибудь заработает. Но, проснувшись как-то поутру, они увидели лишь голый остов некогда мощного агрегата, производившего огромное количество газводы и снабжавшего ей не только весь лагерь, но и ещё полстраны. Разобрать такой агрегат, чтобы никто ни чего не заметил, это вам не шазюбль* связать. В общем, время шло...

Отгремел юбилей. Тётя Таня вернулась в свою, ставшую за годы заседаний в совете дружины очень уважаемой и вполне благоустроенной, детскую деревеньку и с удвоенной энергией принялась обихаживать сырых и убогих, не забывая про себя. И тут, а может быть чуть раньше, случились в лагере выборы в совет отряда. Лагерные жители с энтузиазмом выбрали тётю Таню, как-никак в совете дружины заседала. Попал в этот совет и почтальон Самогонов, правда без Обдулы, но у того и без этого было за что пыль поднимать, чтобы никто не видел чем он занимается.

Товарищ Языков начинал становиться антагонистом. Не так, чтобы очень, но уже начинал. И его выбрали в совет. Что же в этом такого? Вон в его песочнице всё по полочкам. В общем — выбрали.

Весело, с изюминкой проходили заседания того совета. На одном из таких заседаний всё и случилось. Поведал почтальон Самогонов тёте Тане про жизнь свою почтальонскую неказистую, про калоши давно позабытые, да про «Опель задрипанный», про кишлак из которого приехал на этом «Опеле»:

— Бай, собака жениться не дал — Самогонов. — У меня халата не было, я год без халата ходил! Обдула, старый друг только и помогал, всё халаты из бакалеи таскал, много продали, пока мой размер нашли. Я тоже, вот теперь баем хочу быть.

— Будешь, Самогонов, будешь! — задумчиво отвечала тётя Таня — Дай только срок! Баем не обещаю, а вот если завхозом...

— Я баем хочу, хотя и завхозом, тоже теперь вот, только что очень захотел. А срок я не хочу, лучше пусть Обдула срок получает! Его всё еще за ворованные халаты ищут, там и отсидится.

— Получит, Самогонов, получит! — Всё более задумываясь, приговаривала тётя Таня.

Следом за выборами в совет отряда подошло время выбирать и директора лагеря, старый-то совсем износился, как-никак помогал большому начальству юбилей лагеря справлять, да стиральный порошок подтаскивать. В общем устал. И понеслись выборы!

Решили выбирать из своих, из лагерных. А своих-то кто? Только и есть, что тётя Таня, да товарищ Языков, который становился всё большим антагонистом.

Но тут мимо лагеря проезжал старый солдат, умудрённый жизненным опытом. Посмотрел он на люд лагерный, да на крыши беседок золочёные, посмотрел, умилился красотою, да и тоже захотел быть директором.

Так в лагере появился дядя Саша Григорьевич. Началась, невиданная доселе простыми гражданами, битва за голоса избирателей.

Товарищ Языков всё больше и больше становился антагонистом. Он призывал голосовать за него, обещая навести в лагере порядок точно такой же, как в его песочнице. Люд лагерный слушал, качал головой и в задумчивости расходился, чтобы дома поспорить с соседями по палате.

Дядя Саша Григорьевич пошёл более сложным путём: он вызвал на подмогу роту автоматчиков и те из своих автоматов засыпали весь лагерь подмётными письмами.

Тётя Таня выбрала третий путь: она вдруг стала антагонисткой, призывая голосовать за неё, и обещая навести в лагере порядок, как в песочнице товарища Языкова, да ещё и роту автоматчиков вдобавок позвала, за отдельную плату, чтобы те из своих автоматов поверх подмётных писем дяди Саши Григорьевича навалили других, более правдивых. А сама в это время, усевшись на мотоблок, как пуля летала из одного конца лагеря в другой с баллончиком краски и занималась граффити...

Но нет пророка в своём отечестве, а может быть просто автоматчики дяди Саши Григорьевича оказались учёнее, директором лагеря был выбран дядя Саша Григорьевич. Одна часть лагерного люда ликовала, празднуя победу, другая же затаилась в ожидании... Затаились и почтальон Самогонов с другом Обдулой, тётя Таня—старший воспитатель и ставший по жизни антагонистом товарищ Языков. Поражение сближает.

Много воды в Туре утекло с тех славных дней. Совет отряда во главе с тётей Таней объединился против общего врага, против дяди Саши Григорьевича и начал строит ему козни. Придумает тот учителям или докторам помочь в силу своих возможностей, а совет отряда—раз и импичмент ему, а то и того больше... Придумает он опять что-нибудь хорошее для лагеря, а они ему—раз и второй импичмент. В общем завалили дядю Сашу Григорьевича... импичментами по самое это самое, а может и по горлышко. И как прикажете после этого работать бедному директору? Ему бедному и невдомёк, что со времён славного юбилея в лагерных закромах до поры схоронены горы стирального порошка, специально для мытья бабла грязного. Конечно, он как человек повидавший всякого, догадывался о существовании тайного схрона, да только кто ж ему его покажет.? На этот схрон свои охотники имеются. А тут какой-то залётный командовать хочет!

— Совсем оборзел солдафон проклятый!—спокойным воспитательным голосом говорила тётя Таня в приватной беседе с почтальоном Самогоновым и его верным другом Обдулой. — И это он! заезжий гастролёр! Нас! Местных! Будет учить, как жить правильно!?

— Да-да — Поддакнул Обдула и добавил, подумав — Шайтан-башмак — смачно плюнув при этом.

Так сложился первый лагерный триумвират.

Товарищ Языков антагонировал в одиночку...

И опять несла Тура свои мутные воды, скрывая всё то, что не могла скрыть пыль за автомобилем Обдулы....

Ушёл в отставку директор лагеря. Ушёл тихо, как будто его и не было. Ушёл, устав бороться с непреклонным советом. А совет в это же день принял поправки в устав лагеря, лишая этими поправками всех жителей таёжного уголка права голоса на выборах директора. И в этот же день совет тихой сапой сам выбрал директора. Им стала старший воспитатель лагеря тётя Таня. А чтобы лагерцы не возмущались, это событие было отмечено разноцветными хлопушками, которые горстями раздавались с летевших как пуля мотоблоков. Такого лагерцы не видели даже в дни юбилея...

Тёмной ночью, когда отгремели последние залпы хлопушек, четыре тени скользнули вдоль лагерного забора. Лязгнули заржавевшие запоры, заскрипели давно не мазанные петли и в свете коптящих солярой факелов, старейшина лагеря дядя Володя Васильевич передал тёте Тане с товарищами (это были почтальон Самогонов и Обдула) ключи от хранилища стирального порошка. Обдула вытащил из кармана хлопушку, намереваясь отпраздновать таким образом победу справедливости, но сделать ему этого не дали, тупо надавав по башке.

Скупая мужская слеза покатила по щеке почтальона: ведь вот же оно—счастье! Пусть он не Бай(хотя это дело времени), пусть он будет завхозом, но завхозом лагеря, а лагерь это вам не кишлак в горном ауле...

Тётя Таня упивалась своим величием. Да... совет дружины это хорошо, но это не материально! Другое дело директор — хочу покупаю, хочу—продаю! Сказка! Сон! Эльдорадо!

— Да,... ох и умное это... большое начальство с фамилией, как запчасть от машины—думала тётя Таня, — Ведь сколько лет назад просчитало все финансовые потоки. Постой., Какие-такие потоки ? Это я, сейчас, так подумала?—удивилась тётя Таня, — Вот что должность высокая делает!—с удовлетворением резюмировала она свои мысли...

Товарищи встали плечо к плечу и вполголоса затаили:

— Авантипопола бандьераросса... — пели, кто как помнил и слышал. Получалось не очень складно, но разве в этом дело?

Понеслось...

Юный пионер Юра Опылов был честным пионером, с честным же, открытым взглядом хитреньких глазок обрамлённых пушистыми ресницами. Никогда не чурался он тяжёлой работы. Всё, что имел, было заработано собственным умом, начиная ещё с дней подготовки к славному юбилею лагеря. Где ведро краски сэкономит, а где и полкучки асфальта заныкает, да ещё друзей своих, таких же пионеров не забудет, даст заработать. А был он помощником дворника. Правда со временем дворник спился и весь его бизнес пошёл прахом, но тут уж Юра не сплеховал, быстренько спроворил своё дело, прикупив, по случаю пару садовых тачек. Бизнес пошёл полным ходом — где навоз привезти, где картошку, да ещё и друзья-пионеры просят тачку покатать. А чего её порожняком-то катать? Грузи навоз и кати по адресу, и тебе интересно и Юре прибыль. Честный такой пионер, в общем.

И заприметил этого честного пионера новый завхоз лагеря, бывший почтальон, Самогонов. Заприметил, долго присматривался и, в один удачный для обоих день,(по совету тётки Тани) пригласил к себе в завхозовский кабинет.

— Входи-входи, дорогой! Не тушуйся! — радушно раскрыв объятия, воскликнул завхоз.

Пионер Юра робко топтался около двери.

— Даходи тебе говорят! Не бойся!

— А за ухо не оттаскаете? — всё так же робко промямлил пионер Юра, хлопая честнотропыными глазками.

— Что ты, что ты, дорогой ты мой! — завхоз Самогонов по отечески приобнял пионера, — Кто это тебя тут за уши таскал!? Кто посмел!?

— Да, это я так... для проформы... — хихикнул пионер Юра и очень серьёзно взглянул в глаза завхоза.

Холодная предательская струйка пота покатила между лопаток завхоза. Самогонов поспешил сесть в кресло. В его голове ровными рядами, как солдаты на плацу выстраивались вопросы:

— Где он видел этот взгляд? Не ошибся ли он в этом пионере? Не успел ли сболтнуть чего-то лишнего?

А пионер Юра уже расположился в кресле напротив и наливал в пиалу чай,..только себе.

— Ну как бизнес,.. идёт? — начал издаалека завхоз.

— Угу. — промычал пионер, обжигаясь горячим чаем.

— А вообще, — Самогонов непонятно поводит над столом руками — как дела-то?

Пионер Юра пожал плечами и, предательски охрипшим голосом вопросительно-утвердительно ответил: — В норме?!

Завхоз вдруг понял, что чуть-чуть поторопился, пригласив этого пионера. Ему не давал покоя пионерский взгляд и это его пугало. И именно по этому, он поспешил закончить аудиенцию, сославшись на неотложные дела.

— Ты, давай трудись, — напутствовал Самогонов пионера Юру, — Мы с тобой ещё встретимся!...

— Взгляд! Откуда я знаю этот взгляд!? — размышлял завхоз Самогонов, когда выпроводил пионера восвояси. — Может это взгляд прокурора, с которым встречался однажды под Ферганой? Да, нет! Откуда у пионера может быть такой взгляд!?

И тут он вспомнил! Точно такой же взгляд был у Бая в их кишлаке. Холодный, расчётливый, как будь-то говорящий: — Ну и что, голодранец, ты можешь мне предложить?..

С этим открытием завхоз отправился в апартаменты тётки Тани, где уже сидел в ожидании распоряжений, на всё готовый Обдула.

На коротком совещании у тётки Тани было решено не тратить пока время на юного пионера (пусть жирок нагуляет, как барашек, да активы подкопит), а вплотную заняться песочницей товарища Языкова. Уж больно песочек в ней на золотой смахивает, да и совочки-формочки-ведёрки, в личном хозяйстве всегда сгодятся.

Работа закипела. Проведя тщательный мониторинг, дружная компания выяснила, что песочек-то и в самом деле золотой...

Как ни упирался товарищ Языков, как ни антагонировал, но песочницу пришлось отдать нахрапистой команде. Народ лагеря молчал, да и что говорить, когда, что не праздник, то разноцветные хлопушки сотнями огней раскрашивали небо над лагерем. Народ смотрел, открыв рот, и хлопал в ладоши. А то, что дорожки зимой ни кто не чистит, да тьма на улицах хоть глаз коли, так это всё мелочи. Корпуса лагерные разваливаются?, дороги в колеи превращаются?—это тоже ерунда! Главное—

праздники для людей! Главное—хлопушки! И только нет-нет, да и вспыхнет вдруг спор между парой-тройкой лагерцев о судьбе песочницы:

— Видимо не всё было правильно у товарища Языкова, раз его с песочницы сняли! — скажет один из спорщиков

— Да всё у него было правильно, просто песочек его директору с завхозом понравился! — парирует другой

— Не знаете, вот и не говорите! — вмешается какая-нибудь тётя Дуся — Они этим песочком во всём лагере дорожки подсыпали! Всё ведь о нас заботятся! Кто же виноват, что дорожек много? По всем рассыпали—вот его и не видно!

Спорщики ещё немного спорили и мирно расходились каждый по своим делам.

— Дела! Нам нужны дела! — тётя Таня строго смотрела на своих подчинённых. — Если не будет значимых дел, второй раз нас не выберут! У кого, какие предложения? Все молчали. Уже ставший к этому времени Господином Самогонов мял в руках завхозовскую кепку. Обдула ковырял в носу.

— Руки! — прикрикнула тётя Таня.

Оба, отработанным до автоматизма движением, вскинули руки вверх.

— О, боже! С кем приходится работать! — в сердцах проговорила тётя Таня

— Я ведь вас не в носу ковыряться пригласила, а для мозгового штурма!

— Шаурма - слышал, штурм - нет — пробубнил Обдула.

— Какая шаурма!? Я им про дело, а они, как два барана!..

Молчание затянулось...

— В общем, так! — прервала долгое молчание тётя Таня — Нам нужен печатный орган! (времена заседаний в совете дружины не прошли даром)

Будем забирать стенгазету! Её рисуют в нашем лагере, значит, она должна быть наша! Всё! За работу!.. Обдула, и не надо, я тебя прошу делать со стенгазетой то, что ты сделал с аппаратом газводды.

Опять закипела бурная деятельность, прекращаемая время от времени залпами хлопушек...

На очередной сходке триумвирата подводились предварительные итоги. Подводить было нечего. По обыкновению все молчали, кто-то задумавшись, кто-то ковыряя в носу, кто-то теребя кепку в одной руке, другой нервно перебирал что-то в глубоком кармане брюк.

— Ну что, что, что опять? — не выдержала первой тётя Таня.

— Газета не с даётся почему-то! — отрапортовал Обдула

— Я в санчасть на днях заглядывал, присмотреться хотел — проговорил Господин Самогонов, всё ещё что-то теребя руками.

— Присмотрелся? — заинтересовано спросила тётя Таня

— Присмотрелся! Там большое начальство новый корпус строить собралось...

— Строить!? Вот это дело! Глядишь и порошок стиральный нам пригодится...

— Одна неувязочка только, — замялся Господин Самогонов... — тётка там заведует больно матёрая, её просто так не отодвинуть...

— Хорошо, санчастью займёмся позже, а сейчас иди к редактору стенгазеты и дай информацию, что на территории лагеря мы будем строить бензоколонку.

Воспитательным голосом отдала приказ тётя Таня.

— Где? — встрепенулся Обдула.

— Какая разница, где?! Лишь бы было сообщение в газете, а там что-нибудь придумаем... И давайте уже работать, а то скоро...

Что, то и как скоро тётя Таня не уточнила.

Пионер Юра меж тем матерел. В помощь старым садовым тачкам прикупил ещё кой-какой инвентарь. Предприятие развивалось.

В один из дней к пионеру без предупреждения заглянул Господин завхоз.

— Послушай, пионер Юра, — начал Господин завхоз. — Надо нам с тётей Таней кабинеты отремонтировать, да чтобы не хуже, чем у высокого начальства были, но чтобы и не лучше.

Пионер Юра понимающе моргал хитрыми глазками.

— Сам понимаешь, что работа не простая, — продолжал Господин завхоз — абы кому её поручить не могу... Даю за эту работу мешок пряников... — Господин Самогонов, как гвозди, забивал каждое слово в голову юного пионера.

Пионер Юра понимающе мотнул головой.

— Ты берёшь этот мешок в кассе лагеря, расписываешься и отвозишь его ко мне домой. Понял? — тон Господина не давал пионеру и шанса на возражения.

— После этого, все работы в лагере будешь делать ты. Платить будем хорошо, но за отдельную плату — последний гвоздь был вбит в голову юного пионера.

Завхоз Самогонов развернулся и вышел.

Пионер Юра не проронил ни слова, но внутреннее, природное чутьё говорило ему, что он попал. Только вот куда попал, было не совсем понятно.

Началась дойка...

Товарищ Языков совсем не собирался уходить в крутой антагонизм.

Вокруг него собрался костяк лагерного подполья. Публика была разномастной, но всех объединяло одно — триумвират должен пасть. По лагерю поползли слухи. Неглупый лагерный народ, где-то очень глубоко в душе начинал понимать, что кроме разноцветных хлопушек и обещаний бензоколонки новый директор с товарищами только делают вид бурной деятельности, а сами тупо, в наглую тырят лагерную картошку, сахар, да вообще всё...

— Самогонов, ты был у заведующей санчастью? — начала очередной сходняк тётя Таня.

— Был.

— Почему не докладываешь?

— А что докладывать-то?

— Ну как встретили? И вообще.

— Встретили хорошо, а вообще—послали...

— Кого послали? Куда?

— Нас послали!

— Ах, они какие! Ну это мы им ещё припомним! Они у нас ещё узнают, что такое инцест!...

— Абсцесс... — подал голос Обдула.

— А ты, что меня, здесь учить будешь!? — властный голос тёти Тани добрался до самых верхних нот — Ты теплотрассу поменял, как приказывала?

— Поменял, — хлопнул носом Обдула — как и договорились, целых триннн...., три метра поменял, остальное к завхозу утащил.

— Ладно, хорошо! Теперь о санчасти...

Юный пионер Серёжа Бородинский был принципиальным пионером. Всю жизнь он боролся с обстоятельствами. А обстоятельства боролись с ним. Собственно принципиальным он стал недавно, сразу после внеочередных выборов в совет отряда, которые случились по настоянию товарища Языкова и окружавшего его подполья из недовольных новой властью советчиков. Выбрали в новый совет и пионера Серёжу Бородинского, а так же и пионера Юру Опылова...

Пионер Серёжа Бородинский сразу стал принципиальным. Особенно после душевной беседы с тётёй Таней, а ещё особенней после того, как тётя Таня предложила ему пост заведующего санчастью. Принципиальность так и попёрла из пионера Серёжи Бородинского, и отстаивать эту свою принципиальность он был готов, даже кулаками.

Ушла в отставку заведующая санчастью. Тётя Таня вызвала к себе пионера Серёжу Николаевича и, по матерински приобняв, ласково сказала:

— Видишь, мы выполняем свои обещания, но не всё зависит от нас, теперь надо произвести хорошее впечатление у..., сам понимаешь кого. — тётя Таня многозначительно показала пальцем на потолок. — Сумеешь? А мы тебе поможем, уж ты не беспокойся!

— Сумею, тётя Таня, дорогая, да вы меня только сделайте заведующим!., я для вас!., что хотите!., вот честное пионерское!!!

— Ладно-ладно, верю. Ты только про наш уговор не забывай.... — ласково закончила аудиенцию тётя Таня.

Начиналась долгая позиционная война за право рулить санчастью и естественно предстоящим строительством нового корпуса для этой санчасти.

Господин Самогонов входил во вкус власти. Это был уже не тот почтальон, каким знали его жители лагеря, и совсем не тот мужичок, который появился в лагере десять лет назад, а может быть чуть больше в калошах на «задрипанном Опеле», да и завхозом его уже было трудно назвать. Он хотел быть баем, он им стал. Он стал круче бая. Одним росчерком пера он мог разрешить или запретить любое мероприятие в лагере и за это его благодарили верноподданные лагерцы, называя отцом родным. Его пёрло от самого себя и в приватной беседе он уже мог позволить себе тётю Таню назвать просто... или никак не называть....

Нет. Этого себе он ещё не мог позволить, но очень хотел и иногда делился этими мыслями с верным другом Обдулой.

Его подопечный, юный пионер Юра, тоже существенно обарился. В разговорах со старыми друзьями улавливались нотки превосходства и интонации Господина Самогонова. На пирушках, которые всегда предшествовали шумным залпам хлопущек, они клялись друг другу в вечной любви, по-мужски целовались и, крепко обнявшись, пели мурку. И только внимательный наблюдатель мог заметить, как в это время ухмылялся Обдула. Уж кто-кто, а он-то знал, что предприятию пионера Юры давно уготована участь песочницы дяди Саши Васильевича....

Тётя Таня тем временем вплотную занялась санчастью. В разные инстанции полетели подмётные письма за подписями разных людей, встречались там подписи и давно умерших, но разве дело в этом, когда идёт такая битва за раздел сфер влияния...

Интеллигентный пионер Сергей появился на пороге кабинета тёти Тани в начале рабочего дня.

— Здравствуйте! — вежливо поздоровался он

— Здравствуйте. — так же вежливо поздоровалась тётя Таня.

— Я к Вам с назначением. Вот посмотрите. — интеллигентный пионер Сергей протянул гербовый лист бумаги с напечатанным текстом тёте Тане.

— Очень рада! Присаживайтесь, пожалуйста! — тётя Таня расплылась в реверансе. — И куда Вас назначают? — всё так же мило улыбаясь, поинтересовалась она, принимая из рук пионера тиснённый лист.

— Да вот, заведующим санчастью. — с обезоруживающей улыбкой, похожей на оскал бультерьера, отрапортовал интеллигентный пионер .

— Простите.., кем? — опешила тётя Таня.

— Заведующим санчастью. — оскал бультерьера снова превратился в обаятельную улыбку.

Тётя Таня пробежала глазами по тексту гербового листа и сразу выхватила суть:

— Да, но тут написано, что Вы... И. О. сроком на три месяца!?

— Уверяю Вас—это простая формальность! Это общепринятая практика в нашей среде. — оскал бультерьера появился снова. — Я не смею Вас больше отвлекать, Уважаемая..., — просто интеллигентный Сергей тщательно подбирал слова... — Спешу..., очень много работы...Извините... В следующий раз, надеюсь..., поговорим более обстоятельно...До свидания!

— Да-да, конечно! — поспешила выпроводить неожиданного гостя тётя Таня. Ей самой надо было осмыслить всё случившееся и избрать правильную тактику.

— Что-то, где-то не срослось. — промелькнула мысль в голове тёти Тани.

Товарищ Языков, наконец, достучался до справедливости или почти достучался. Журналист из стенгазеты очень крупного масштаба заинтересовался всем происходящим в провинциальном лагере. Провёл своё расследование, присовокупил к нему документы, собранные товарищем Языковым и напечатал их в своём издании, одновременно отправив все материалы в самые высокие органы справедливости. Органы заинтересовались и послали в лагерь разведку.

А между тем в лагере... Господин Самогонов совсем потерял чувство реальности. В разгар рабочего дня он срочно вызвал к себе пионера Юру.

— Короче так! — начал он, ковыряясь спичкой в зубах, — Завтра мне надо полторы тачки лимонов!

Пионер Юра захлопал густыми ресницами: — Так у нас лимоны не растут! Где я их к завтрашнему дню возьму!?

— А меня не интересует, где ты их возьмешь! Мне—надо! Понял или нет!? А сейчас пошёл вон отсюда!

Пионер Юра попытался ещё, что-то сказать, но его уже никто не слушал, и на шатающихся ногах пионер побрёл к выходу, но с каждым шагом его ноги становились всё крепче, в голове уже вырисовывался один единственный путь, путь к спасению...

Тётя Таня размышляла над создавшимся положением: — Мало того, что этот жмот Языков, достучался-таки до этих писак, так ещё и с санчастью какая-то регургитация* получается. Мне же твёрдо пообещали. А теперь придется снова бомбить инстанции письмами. Жаловаться... А этот-то, этот..., новый заведующий..., каков—а...? Всё с улыбочкой! Вежливый весь такой! А у самого взгляд, как у рентгена! Не видать мне с ним и кирпичика от нового корпуса. Этот не даст... Этот скорее руку без наркоза отрежет...пионер ...и кто его только назначил?.. Пионера!... — Размышления тёти Тани прервал требовательный телефонный звонок. Звонок был по главной линии. По этой линии звонило только высокое начальство. Тётя Таня перевела дух и подняла трубку телефона...

Пионер Юра долго беседовал с товарищем Языковым. Вернее говорил только пионер Юра, а его собеседник внимательно слушал, радуясь в душе, что антагонировать в одиночку он уже не будет. Цепкий ум товарища Языкова выхватил главное—за своё кровное дело этот пионер закопает любого завхоза, да ещё и песочка раздобудет, чтобы соорудить на этом месте шикарную клумбу, а после, над этой клумбой не пожалеет бомбануть залпом хлопушек....

....Разговор был односторонним. Тётя Таня только слушала, как на другом конце провода большое начальство в недвусмысленных выражениях высказывалось по поводу публикаций в центральной стенгазете и большого десанта Органов Справедливости, который вот-вот должен высадиться в лагере.

— И имей в виду, что я ни тебя, ни тем более твоего завхоза прикрывать не стану, крутитесь сами, как хотите! — в трубке телефона раздались короткие гудки. Тётя Таня обречённо положила свою трубку на аппарат. Надо было срочно, что-то предпринимать. На вечер она вызвала к себе всех своих поделщиков...

В кабинет постучали, дверь приоткрылась и в щель просунулась голова принципиального пионера Серёжи Бородинского: — Разрешите-с?

— Да входи, уже, раз пришёл.

— Что же это получается, тётя Таня, — обиженно начал принципиальный пионер Бородинский. — вы же мне твёрдо обещали санчасть...

— А ещё я тебе говорила, что нужно и самому произвести хорошее впечатление. Видимо и ты где-то принципиально не доработал, не достаточно произвёл. Но ты не расстраивайся. Мы этого нового заведующего на совет отряда вызовем. Вопросы зададим такие, что он ответить не сможет, а раз ответить не может, значит не годится на должность. А после совета мы бумагу наверх отправим, так мол и так, ответить не может на простые вопросы, не знает ничего, а вы его назначаете... Понял? Твоё дело, сейчас вопросы подготовить и самое главное попринципиальней, как ты умеешь. Понял!?

— Ох и умная вы тётя Таня ! Это вы так всё замечательно придумали! Неужели прямо сейчас придумали!? Я бы так не смог! — принципиальный пионер Серёжа Бородинский принципиально рассыпался в безудержных комплиментах и даже, когда покидал кабинет, всё время бормотал: — Ох и умная! Какая молодец! Ох и умная!!!

Триумвират собрался без промедления. Тётя Таня без предисловий обрисовала обстановку и тут же начала раздавать указания:

— Обдула, заберёшь трубы у завхоза и закопаешь вдоль старой теплотрассы, чтобы в случае чего можно было сказать, что проложили новую. Да закапывай по одной трубе, метров через десять друг от друга, чтобы на всю длину хватило.

— Всё понял! — щёлкнул каблуками Обдула и мотнул головой так, как делали это в кино про немцев. На самом деле он уже давно достал калоши и заправил «задрипанный Опель», подготовив его в дальний путь, но пока ещё не рассказал об этом своему другу завхозу, поджидая удобного момента...

— Завхоз! — продолжила тётя Таня — Остатки труб привезёшь на склад и не забудь ещё про сахар, картошку и что ты там ещё увозил... Чтобы всё было оприходовано и записано. Всем, всё ясно? Тогда давайте, работайте....

Беседа честного пионера Юры с товарищем Языковым затягивалась. Товарищ Языков обстоятельно объяснял юному пионеру дальнейшую схему их общей борьбы. Предстояли трудные времена, лагерному подполью пора было выходить из подполья, но пионер Юра не был подпольщиком, ему предстояло им стать, чтобы потом, вместе со всеми, дружными рядами, плечом к плечу выйти оттуда.

По узким тропинкам, вдоль забора, прямо через кусты стали подтягиваться остальные подпольщики. Один из них, звали его просто—товарищ Андрей, привёл с собой незнакомого пионера. Вернее с пионером-то все были знакомы, только вот пионер не знал, что все они подпольщики. Побеседовав о погоде, о видах на урожай и вообще на аполитичные темы незнакомый пионер вежливо попрощался со всеми и ушёл широкой дорогой, оставив подпольщиков принимать в свои круги пионера Юру. Незнакомым пионером был новый заведующий санчастью интеллигентный пионер Сергей.

Принципиальный пионер Серёжа Бородинский готовил принципиально-каверзные вопросы и репетировал перед зеркалом, пытаясь найти оптимальный вариант выражения этих вопросов, а также выражения лица, с которым он будет задавать эти вопросы. Получалось не очень. — Надо всё записать. — пришла спасительная мысль — Тогда точно не забуду.

До заседания совета отряда оставалось два дня...

На следующий день, после тайного собрания подпольщиков, директор лагеря тётя Таня пригласила в свой кабинет нового заведующего санчастью. Заведующий, интеллигентный пионер Сергей, явился минута в минуту к назначенному времени. Директор лагеря, для острастки помурьжила его в приёмной, сославшись на неотложные дела, и приняла только через полчаса. Интеллигентный пионер Сергей с философским спокойствием дождался аудиенции. Так же спокойно зашёл в кабинет, когда его пригласили и, поздоровавшись, сел на предложенный стул.

— Вы наверное в курсе, зачем я вас пригласила? — начала разговор тётя Таня.

— Теряюсь в догадках. — лицо интеллигентного пионера было, как будто-то высечено из гранита.

«Этого просто так не взять—это точно» — пронеслось в голове тёти Тани.

— А я Вам объясню! — Голос тёти Тани затвердел, как лицо сидящего перед ней пионера

— С удовольствием Вас послушаю. — каменное лицо на мгновение показало улыбку и снова стало каменным.

— Постарайтесь мне объяснить, что вы делали вчера на сходке подпольщиков.

— Простите? — не понял просто пионер.

— Вот видеозапись, как Вы отходите от дома известного подпольщика-антагониста товарища Языкова! Вы можете мне это объяснить!?

— А я должен это делать? — гранитное лицо интеллигентного пионера стало меняться, и на нём появилась, так запомнившаяся тётке Тане в день их знакомства, улыбка бультерьера.

Тётя Таня была несколько обескуражена таким наглым ответом, но отступить она не собиралась: — Я просто думаю, что Вам надо тщательней подбирать себе знакомых.

— А я должен это делать? — повторил свой вопрос интеллигентный пионер Сергей.

— Вам нужно брать пример с принципиального пионера Бородинского, он очень ответственный, принципиальный, порядочный пионер! И если Вы, не сделаете нужные выводы, то нам с Вами будет трудно работать. Кстати, будьте добры явиться на заседание совета отряда с отчётом о проделанной Вами работе в качестве заведующего санчастью...

Аудиенция была закончена.

Тётя Таня вызвала секретаря и приказала разыскать завхоза Самогонова и Обдулу.

В это же самое время в лагерь, инкогнито прибыла группа из Специальных Органов.

Заседание совета отряда началось с небольшой задержкой. Директор тётя Таня, явно нервничала. Второй день она не могла найти ни завхоза ни Обдулу. Никто не знал, где они. Да ещё неподтверждённые слухи о группе из Спец. Органов не давали сосредоточиться. Тем не менее она взяла себя в руки и открыла заседание:

— Начинаем работу, товарищи советчики! На повестке дня у нас два вопроса—это отчёт нового заведующего санчастью, его обсуждение и разное... Кто начнёт?

— Разрешите мне! — поднял руку принципиальный пионер Бородинский и, выдержав театральную паузу, начал: — Вот скажите нам, уважаемый заведующий санчастью, как вы смотрите на применение влупидола натрия в стационарных установках автоклавов, а также передвижных мотоблоках?

Заседатели, те что поопытней, закачали головами. Вопрос был поставлен очень принципиальный. (По данным, которые раздобыл принципиальный пионер Бородинский, этот самый влупидол натрия в лагере подходил к концу и его никто не собирался заказывать).

Заведующий санчастью, интеллигентный пионер Сергей поднялся, подошёл к специально приготовленной доске и развесил на ней листы ватмана с разноцветными графиками и диаграммами, взял в руки указку, заботливо выструганную ему одним из его друзей, многозначительно посмотрел на присутствующих и начал: — По последним данным ВОЗ (Всемирная Организация Здравоохранения) в мире зафиксирована небывалая вспышка свиного гриппа типа А/Н1N1...

— Поближе к теме, пожалуйста! — перебил его принципиальный пионер...

— Так вот! — не обращая внимания на реплику, продолжил заведующий санчастью — Согласно этим данным, вместо влупидола натрия давно применяют чистый влупидол. Как вы все понимаете, грипп страшен своими осложнениями, а чистый влупидол препятствует им и особенно такому грозному осложнению, как приапизм*. Вам, коллега, — интеллигентный пионер Сергей посмотрел на принципиального пионера Бородинского — надо бы знать мировую статистику.

Заседатели опять закачали головами. Ответ им понравился. Это, что называется—не в бровь, а в глаз. Но у принципиального пионера Бородинского был заготовлен ещё один убойный, по его мнению, вопрос, который должен был заставить этого выскочку-заведующего, зайти в тупик: — А как в вашей санчасти обстоят дела с циклопентанпергидрофенантrenom? — по бумажке, чтобы не сбиться, прочитал принципиальный пионер.

— Циклопентанпергидрофенантрен — без бумажки и без запинки отчеканил интеллигентный пионер Сергей — может применяться только при острых приступах имбицилизма, но в малых дозах, так как в больших вызывает бурную реакцию безудержной диареи, и поэтому, — он сделал паузу и указкой провёл по графику на ватмане — поэтому мы держим, только стопдневный запас этого препарата.

Шёл жёсткий разговор двух профессионалов...

— То есть к зиме вы подготовились? — вставил вопрос один из депутатов директорского блока, в простонародье БТТ (Блок тёти Тани).

Тётя Таня неодобрительно посмотрела на своего рьяного соратника, (на дворе стоял март месяц) и тот снял свой вопрос. Но просто пионер Сергей ответил и на него:

— Обострение вышеназванных инфекций, происходит, как правило, два раза в год — весной и осенью. Одно из этих обострений наши осциллографы фиксируют сейчас и пик его ещё не пройден. Оно будет развиваться по спирали и как считают наши аналитики, закончится ближе к середине лета. Но, как я докладывал выше, стопдневный запас необходимого препарата у нас есть.

— А как защититься от этой заразы? — опять раздался вопрос с мест БТТ.

— Вакцинация! Только она предохранит ваше здоровье! — интеллигентный пионер Сергей подождал ещё вопросов, их не последовало, тогда он устало сел на придвинутый ему честным пионером Юрой, стул.

«Кто-то его предупредил.» — размышляла тётя Таня, внимательно слушая дискуссию, — «Не может нормальный человек такое даже подумать, а не то, что выговорить. Вот только кто? Этот?» — она посмотрела на одного из заседателей — «Нет! Этому столько позволили, что он с головы до ног наш! А может, вот этот? Тоже вряд ли, мы ему новую квартиру дали! Эх, принципиальный ты наш, пионер Бородинский! Покруче надо было вопросы заворачивать!» — тётя Таня ещё раз скользнула взглядом по своим сподвижникам и упёрлась в честного пионера Юру, который сидел не на своём обычном месте—справа от неё, а рядом с товарищем Языковым. «Вот он — иуда» — поняла она — «И спец.органы, тоже его рук дело!» Прения меж тем разгорались. Депутаты спорили по поводу вакцинации...

После совета отряда тётя Таня ещё раз попыталась найти завхоза Самогонова и Обдулу, но их телефоны оказались «вне зоны действия сети»...

Через неделю спец.органы изъяли все документы из кабинета завхоза и заочно отстранили его от работы.

Тётя Таня успокаивала лагерцев твёрдыми заверениями в честности и неподкупности завхоза. Верили уже не все.

«Задрипанный Опель» пулей летел на Восток. В нем сидели два странных мужичка в калошах и подпевали песне, раздающейся из кевларовых* динамиков: «Яратам, Яратам! Яра тут и яра там...» Дорога вела их в Улан-Батор.

Тётя Таня сидела в своём кабинете и принципиальный пионер Серёжа Бородинский, припав на её плечо, со слезами на глазах нашёптывал: — Я не хочу быть заведующим санчастью! Я хочу—завхозом!

— А слушаться меня будешь?

— Буду! Честное пионерское!

— Правда!?

— Зуб даю!

— Ну тогда, ты будешь, Серёжа! Будешь! Дай только срок! — отвечала тётя Таня и её рука ласково теребила мочку уха принципиального пионера.

КОНЕЦ?..

*Шазюбль—модель женской кофточки

*Регургитация –рвота

*Приапизм—постоянная болезненная эрекция, связанная с плохим оттоком крови из полового члена.

все имена и факты вымышлены, любое совпадение случайно.